

В.В. Старовойтов

Психоаналитическая теория детского развития Д. Винникотта

Старовойтов Владимир Васильевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: starovoitov51@mail.ru

В статье рассматривается созданная английским психоаналитиком и психиатром Д. Винникоттом психодинамическая теория развития индивида в его персональных связях. Винникотт создал особую модель интерсубъективного подхода в клиническом психоанализе. Согласно этому подходу, изучаемый субъект, рассматриваемый в контексте своей культуры, в значительной степени обусловлен прошлой историей своего развития. Винникотт полагал, что к двум другим исследуемым в психоаналитической теории областям: внутренней психической реальности индивида и реальному миру и живущим в нем людям – следует добавить третью область – культурный опыт человечества. Особую известность получили его исследования детского возраста, в которых он изучал взаимоотношения младенца с матерью, феномен переходного объекта, роль и влияние игры в терапевтической работе и др. По мнению автора статьи, проведенное Винникоттом исследование самых ранних переживаний младенца, обусловленных первичной связью «мать-младенец», породило те идеи, которые стали ключевыми для понимания этих глубочайших уровней психической жизни.

Ключевые слова: Д. Винникотт, игра, достаточно хорошая мать, забота, истинная Самость, ложная Самость, переходный объект, переходный феномен

Дональд Винникотт (1896–1971) – английский психоаналитик, педиатр и детский психиатр. Будучи сторонником учения Дарвина, стремился получить серьезное биологическое образование. Он учился на биологическом факультете Кембриджского университета, а затем продолжил свое образование в области общей медицины и педиатрии. После окончания Королевского медицинского колледжа Винникотт сорок лет работал в больнице Пэддингтон-грин и в Детском королевском госпитале. Долгие годы работы с детьми дали ему великолепную возможность наблюдать за поведением матерей и их детей. В психоанализ он пришел из педиатрии. Входил в группу независимых аналитиков Британского психоаналитического общества (БПО) и был ее лидером. На протяжении двух периодов: 1956–1959 гг. и 1965–1968 гг. – Винникотт был президентом БПО.

Сам он в течение длительного времени проходил терапевтический анализ у членов БПО Джеймса Стрейчи (1923–1933) и Джоан Ривьер (1933–1938). Такой длительный анализ мог быть обусловлен проработкой возникших в детские годы

у Винникотта проблем в связи с депрессией его матери и полнейшей ее неспособностью находиться с ним в контакте. Характерно, что нигде в своих публикациях он не упоминает о матери. Можно даже сказать, что именно борьбе с депрессивной матерью, у которой отсутствует контакт со своими чувствами и ощущается недостаток спонтанности, и был посвящен весь его дискурс. Как психоаналитик Винникотт работал и с детьми, и с взрослыми. В отличие от Фрейда и большинства психоаналитиков, он был глубоко верующим человеком, прихожанином Англиканской церкви. Особую известность получили его исследования детского возраста, в которых он изучал взаимоотношения младенца с матерью, феномен переходного объекта, роль и влияние игры в терапевтической работе и др. Винникотт – автор ряда книг, среди которых можно выделить следующие: «Нарушения в детском возрасте» (1931), «Игра и реальность» (1971), «От педиатрии к психоанализу» (1975) и др.

Интерсубъективный подход в психоанализе

Винникотт создал особую модель интерсубъективного подхода в клиническом психоанализе. Согласно этому подходу, исследуемый субъект, рассматриваемый в контексте своей культуры, в значительной степени обусловлен прошлой историей своего развития. Зарождение интерсубъективного подхода в психоанализе связано с венгерской школой (Ш. Ференци, М. Балинт). В частности, Шандор Ференци настаивал на том, что аналитик как человек, лично вовлеченный в анализ, является центральной фигурой в аналитической работе. Он подчеркивал потребность аналитика честно признавать свои ошибки, чтобы не дистанцироваться от пациента, ибо подобное дистанцирование, порождающее у пациента чувство неполноценности, подрывает его взаимоотношения с аналитиком. Дальнейшее развитие этого направления связано с именем Винникотта, согласно которому процесс лечения протекает в пространстве интерсубъективной коммуникации и не может быть форсирован. Анализу межличностного он отдавал предпочтение перед анализом внутренних конфликтов. В целях поддержания связи, диалога и возникновения у пациента контакта с реально присутствующим человеком Винникотт акцентировал важность отзеркаливания чувств и обеспечения поддерживающего окружения для пациентов. Такая стратегия поведения, взятая на вооружение в современном американском психоанализе, считается запретной у классических фрейдистов. «Постулируемая этим направлением значимость ранней атмосферы приводит нас к таким моделям... которые уделяют большое внимание отношениям с ранними объектами и видят в этом основу развития психики (не только в отношении влечений). Отсутствие этих объектов, их неадекватность или невыполнение ими своих функций имеют огромное значение для возникновения психических болезней. Таким образом, эдипов конфликт более не рассматривается как единственный фактор развития патологий» [Немировский, 2010, с. 191–192].

Создание Винникоттом собственной психоаналитической теории

Многочисленные проведенные Винникоттом исследования и наблюдения позволили ему построить логичную и цельную картину детского развития, в которой он вышел за пределы психоаналитического догматизма, подвергнутого им жесткой критике. «В работах по психоанализу, – писал он, – предполагается постулат: жизнь человека, который строит объектные отношения, направлена на удовлетворение инстинктивных влечений, на простое получение удовольствия. Для завершенности этой формулировки можно еще подключить теорию замещения и все механизмы

сублимации» [Винникотт, 2002, с. 188–189]. Подобное понимание, согласно Винникотту, привело к тому, что «в своей топографической картине психики Фрейд не оставил места для культурного опыта» [там же, с. 171]. Хотя Фрейд также иногда писал о культуре, в его схеме культура означала отречение от инстинктов, для Винникотта же она являлась единственной средой для самореализации. Данные взгляды Винникотта фактически полностью совпадают с мнением французского феноменолога М. Мерло-Понти, который критиковал психологические теории за то, что при объяснении человеческой субъективности они отстраняются от мира культуры и исходят из мира объектов. Сам же он считал, что феноменологический мир можно понять только на пересечении опыта «Я» и «другого», т.е. исходя из субъективности и интерсубъективности.

Если Фрейд писал об амбивалентной природе человека, движимого противоречивыми желаниями и вступающего во фрустрирующие отношения с другими людьми, то Винникотт подчеркивал начальную уязвимость младенца, в которой он усматривал «истинные потенциальные возможности установления отношений с другими людьми, основывающиеся на потребностях и желаниях, а не просто ради того, чтобы изолированно удовлетворять посредством других людей настойчивые импульсы Оно» [Хан, 2002, с. 250]. Аналогичную мысль столетием ранее высказывал французский писатель и философ Жан-Жак Руссо: «Слабость человека делает его общительным; ...Всякая привязанность есть признак несостоятельности; если бы каждый из нас не имел нужды в других, он не подумал бы соединиться с ними» [Килборн, 2021, с.40].

Согласно английскому исследователю, психоанализ занимается объединением диссоциированных частей личности, а не ослаблением давления инстинктов. «Сексуальность или инстинкт смерти больше не были ключевыми в развиваемой им версии психоанализа, на их место пришла ранняя зависимость ребенка от матери и угрозы, которые она в себе таила» [Филлипс, 2009, с. 124]. Аргентинский психоаналитик К. Немировский также пишет о том, что «в трудах Винникотта нет места инстинкту смерти, поскольку он считал жизнь проявлением не какого-либо инстинкта, а проявлением витального импульса, очень близкого по своему смыслу “жизненному порыву” у Бергсона» [Немировский, 2010, с. 68].

При этом Винникотт подчеркивал наличие не зависящих от влечений важных механизмов объектных отношений, среди которых он особо выделял механизмы игры, считая ключевым моментом в терапии развитие у пациента способности удивляться самому себе, т.е. избавляться от уступчивости, развивая истинное Я. По мнению Винникотта, только в игре, которая должна быть свободной, без уступок и подчинения, может действовать подлинная психотерапия. Он обращался с призывом к своим коллегам: «...будьте внимательны к способности пациента играть, то есть проявлять творчество в аналитической работе. Терапевт, который слишком много знает, может с легкостью украсть креативность пациента» [Винникотт, 2002, с. 105–106].

Данные взгляды Винникотта созвучны представлениям М. Бубера о связи Я-Ты в отличие от связи Я-Оно. По мнению Бубера, отношение Я-Ты является взаимным, в отличие от отношения Я-Оно, где активен только субъект; об этом свидетельствуют слова философа, подчеркивавшего, что «по ту сторону субъективного, по эту сторону объективного, на узкой кромке, где встречаются Я и Ты, лежит область Между» [Лифинцева, 1999, с. 50]. Такой промежуточной областью встречи психотерапевта и пациента для Винникотта является область игры.

Что касается взглядов М. Кляйн, которая была его супервизором, то ее теории о первичном эмоциональном развитии ребенка и о роли в нем детской деструкции стали для него решающими. Он также разделял с Кляйн веру в решающую значимость самых ранних стадий развития. Однако английский исследователь так

никогда и не стал приверженцем ее теорий, переформулировал ее идеи и создал собственную теорию психического развития младенца.

Винникотт полагал, что Кляйн и ее последователи недооценивали важнейшую роль матери в развитии ребенка, вследствие чего наделяли последнего чрезмерными внутренними характеристиками (врожденный инстинкт смерти, врожденная зависть к матери и т.д.). Сам же он считал, что вследствие недостатка материнской заботы ребенок формирует маниакальную защиту (создавая защитное ложное Я) для приспособления к внутренней реальности депрессивной матери, подстраиваясь под ее требования, идущие вразрез с его собственными потребностями. У такого ребенка начинает действовать патологическая фантазия, а не творческое исследование жизни.

Вместо постулируемой Кляйн параноидно-шизоидной позиции у младенца в первые месяцы его жизни Винникотт «постулирует ранние жестокие объектные отношения, являющиеся частью обычной доброкачественной эксплуатации младенцем матери» [Филлипс, 2009, с. 87–88]. Если Кляйн описывала последующую депрессивную позицию у младенца, то Винникотт писал о стадии озабоченности, позитивно связанной с зарождением у младенца чувства ответственности. «Круг замкнулся, и младенец, о котором заботятся, теперь начинает сам заботиться и беспокоиться. Это является началом существования в более широких рамках – существования в культуре, где человек живет и разделяет свою жизнь с другими людьми, во взаимодействии между личными стремлениями и вопросами, которые решают другие» [Хан, 2002, с. 254].

Винникотт также был не согласен со взглядами Кляйн на природу творчества, считая, что они не затрагивают природу креативности. Он полагал, что постулируемая Кляйн репарация, которая включает в себя все усилия ребенка уберечь объект от причинения ему зла, прежде всего от повреждения, угроза которого исходит из собственных деструктивных механизмов ребенка, обусловленных его завистью и враждебностью, может означать лишь бегство от вдохновения, побуждающее индивида соответствовать требованиям внешней реальности, тогда как подлинное творчество связано со способностью к безжалостности. «Соответствие, – писал Винникотт, – приносит индивиду ощущение пустоты и связано с идеями абсолютной бессмысленности и тщеты жизни, тогда как творческое постижение реальности лучше, чем что бы то ни было еще, заставляет человека чувствовать, что жизнь достойна того, чтобы жить» [Винникотт, 2002, с. 118].

Целью Винникотта стало создание психодинамической теории объектных связей индивида в процессе его развития, к описанию которой мы сейчас переходим.

«Раннее» и «глубокое»

В психоаналитической теории детского развития Д. Винникотт различает «раннее» и «глубокое». Раннее развитие ребенка, у которого еще нет Я, связано с поддержкой и присутствием матери, формирующей у него переживание его собственного существования, в то время как его более позднее мужское начало связано с отделением от матери и деятельностью. Ранний опыт существования прокладывает путь к последующему действию или стимулированию к действию. По мнению К. Немировского, Винникотт считал, что «окружающая среда ребенка не только питает и согревает, но и поддерживает в реальном и метафорическом смысле, дает ребенку опыт пассивного принятия управления им и предоставляет объект для дальнейшей инкорпорации. Позже на этой построенной в “ранний” период прочной базе появляются аффекты и инстинкты, связанные с депрессивными чувствами и ненавистью, представляя собой “глубокое”. “Раннее” позволяет возникнуть “глубокому”,

действуя как сеть и контур для содержания. «Глубокое» можно сравнить с осадком, который оседает на этой сети, очерчивающей пределы Самости» [Немировский, 2010, с. 171].

Взаимно адаптирующаяся диада «младенец-мать»

Для первичной стадии развития младенца характерна полнейшая его зависимость от матери. Это период максимальной материнской ответственности, обусловленный ее первичной озабоченностью, основанной на вчувствовании в его потребности. Согласно Винникотту, младенец нуждается в необходимой ему поддержке (метафорически и реально), в контакте, в управлении телом, в отражении во взгляде матери зарождающегося Я младенца, в таких объектах, которые позволяют и делают возможной их идеализацию.

Д. Винникотт считал связку «мать-младенец» биологической системой, в которой успешное разворачивание процесса развития ребенка обязательно требует фигуры, адекватно проявляющей заботу о нем. Атмосфера любви и доверия жизненно важна для развития у ребенка способностей доставлять себе утешение и создавать в ходе дальнейшего развития полезные образы и представления. Вот почему английский исследователь писал о том, что нет такой вещи, как отдельный ребенок, имея в виду, что аффективная жизнь младенца регулируется взаимно адаптирующейся диадой «младенец-мать».

Переходный объект

Исследуя поведение маленьких детей, Винникотт вводит понятие «переходного объекта» как такого, который имеет для ребенка особую ценность. Он должен быть выбран самим ребенком для этой цели. Переходный объект не является ментальной концепцией ребенка, так как это предмет, которым он обладает. Он также не является внешним по отношению к ребенку объектом. Он обеспечивает ребенка ощущением своей теплоты, живости и собственной реальности. «Винникотт ввел понятие переходного объекта для обозначения того, благодаря чему становится возможным этот фундаментально важный переход ребенка от субъективности к объективному восприятию, от состояния слияния с матерью к осознанию своей отдельности от нее» [Филлипс, 2009, с. 113]¹.

По мнению Винникотта, в период младенчества существует критическое время, когда способность к символизации может порождать благоприятные переходные объекты. Использование переходного объекта вначале является досимволическим и главным образом применяется в гомеостатической регуляции. Постепенно в этом пространстве инфантильной креативности переходный объект наделяется психологическим смыслом и впервые делает для младенца возможным обладание тем, что не есть он сам. Впоследствии переходный объект символическим образом начинает представлять мать, что в дальнейшем приводит к тому, что сновидения, фантазия и игра могут использоваться ребенком для активизации интрапсихического образа матери, так что теперь он может переносить одиночество и осуществлять заботу

¹ Хороший пример наличия переходных объектов у маленьких детей сообщила мне О.А. Власова, научный редактор моего перевода книги Э. Джонса о З. Фрейде, рассказывая о своих детях. Для ее полуторагодовалого сына переходным объектом служил палец матери, который он держал в руке при засыпании, тогда как ее трехлетняя дочь в качестве переходного объекта выбрала плюшевого мишку, которого часто давала подержать матери. Когда мать предложила окончательно отдать эту игрушку дочери, та отказалась, говоря, что мишка должен пахнуть матерью.

о себе. Таким образом, согласно Винникотту, переходный объект необходим для последующего восприятия объекта как строго отграниченного от субъекта и для перехода к собственно объектному отношению.

У здоровых детей переходный объект «не интернализируется, но связанные с ним чувства не обязательно подвергаются вытеснению. Они и не забываются, и не вызывают чувства печали. С течением времени он теряет свое значение, поскольку переходные феномены становятся менее четкими и выходят за пределы промежуточной области между “внутренней психической реальностью” и “внешним миром, совместно воспринимаемым двумя людьми”, то есть распространяются на всю культурную сферу» [Винникотт, 2002, с. 19].

Большинство людей располагают многочисленными доступными им переходными объектами и операциями и легко могут достигать эффекта самоутешения и самоуспокоения, не отдавая себе отчета в том, что они активизируют инфантильные механизмы, восходящие к взаимодействиям мать-ребенок. Однако если потребности ребенка в поддерживающем окружении и отражении его состояний матерью остаются неудовлетворенными, нарушается его полноценное развитие и происходит разрыв в ощущении непрерывности существования. Такое положение дел наносит ребенку психическую травму. В результате может прекратиться развитие его способности к творчеству, а потенциальный переходный объект может стать для младенца «аутистическим объектом», который используется главным образом для исключения первичного объекта (матери), поскольку такой объект лучше поддается контролю и не так часто, как люди, вызывает разочарование и боль. В результате у ребенка может развиться «ложная Самость», основанная на реакциях на внешние раздражители. Подобное существование, всецело обусловленное действием защитных механизмов, Винникотт называл небытием. Небытие является организованной защитой, связанной с перенесенной в раннем детстве невыносимой болью. При небытии личное существование выражается посредством действия проективных элементов, когда индивид пытается отбрасывать все, что может быть личным, чтобы избежать ответственности или наказания.

Истинная и ложная Самость

По мнению Винникотта, истинная Самость берет начало в теле и составляет с ним единое целое, а инстинктивные устремления младенца направлены на развитие. Исследователь считает самой серьезной опасностью для «Я» необходимость преждевременной адаптации к окружающей среде, так как на самых ранних стадиях развития «Я» еще не обладает достаточной силой, чтобы реагировать, не теряя своей идентичности. Для описания этого процесса Винникотт вводит понятия вторжения, распада и примитивной агонии, полагая, что психическая патология – это реакция на потерю идентичности, попытка справиться ценой задержки развития. Если мать не защищает ребенка от вторжений, то, реагируя на них защитным образом, он утрачивает свою идентичность, развивая ложную Самость, которая выполняет три функции: следит за матерью, скрывает и защищает истинную Самость, а также принимает на себя функцию заботы, с которой не справилось окружение ребенка.

Страх распада

В написанной Винникоттом в конце жизни статье «Страх распада» он описывает психическую смерть младенца как «примитивную агонию», которая может произойти в результате чрезмерной, ранней депривации, которую ребенок был не в состоянии

ни понять, ни избежать. Для описания подобного непредставимого состояния дел, которое лежит в основе защитной организации (психотического заболевания), он использует слово «распад». Тот распад, который разрушает жизнь младенца, произошел в период его абсолютной зависимости от матери, когда для него еще не существовало различия между «не-Я» и «Я», поэтому он не мог переживать его как таковой. Однако без повторного переживания этой примитивной агонии она не может уйти в прошлое. Поэтому пациент должен принять на веру, что то, что им ранее не переживалось, тем не менее имело место в прошлом. Это открывает для него путь к переживанию в переносе агонии, с опорой на дополнительную Я-поддерживающую функцию аналитика, в реакции на неудачи и ошибки последнего. Это прошлое и будущее расстройство, в результате которого была прервана непрерывность его бытия из-за его инфантильных реакций на травму, становится затем предметом рассмотрения здесь и сейчас и впервые начинает переживаться пациентом, становясь эквивалентом воспоминания [Winnicott, 1974, p. 103–107].

Использование объекта

В статье «Использование объекта» (1969) Винникотт провел важное различие между «субъективным объектом» (интроектом) и «использованием объекта». По мнению английского исследователя, контакты могут осуществляться с субъективным объектом, тогда как использование объекта связано с его восприятием как части внешней реальности. При этом наиболее важна роль позитивной деструкции субъекта. Если объект выдерживает деструкцию со стороны субъекта и не разрушается, то в результате возникает мир общей реальности, который субъект может использовать.

Это привело Винникотта к концепции «периода нерешительности», когда отсутствие у пациента контактов с аналитиком могло истолковываться не как сопротивление, а как попытка перехода от отношений с аналитиком к использованию его как объекта для развития психических структур пациента. Подобное использование объекта приводит к созданию диалогической динамики, в которой посредством перекрестных идентификаций субъект и объект находят и создают друг друга. Концепция «периода нерешительности» стала важным расширением классической концепции сопротивления анализу Фрейда.

Способность к одиночеству

Во многих психоаналитических работах шла речь о стремлении к одиночеству в качестве защитной организации личности. В частности, К. Хорни описывала невротика, поведение которого обуславливалось потребностью «движения от людей». Подобная невротическая отстраненность, согласно Хорни, является попыткой ухода от невротических конфликтов путем избегания. Когда «при общении с людьми возникает невыносимое напряжение, одиночество становится средством избежать его» [Хорни, 1997, с. 56]. В отличие от нее, Винникотт в статье «Способность к одиночеству» (*The Capacity to be Alone*, 1958) писал о позитивных аспектах данной способности. Согласно английскому исследователю, способность к позитивному одиночеству основывается на раннем опыте одиночества в присутствии матери. Данный опыт «может иметь место на очень ранней стадии, когда незрелость “Я” естественным образом компенсируется поддержкой, оказываемой младенцу со стороны матери. С течением времени индивид интроецирует поддерживающую “Я” мать и тем самым приобретает способность к одиночеству без частого обращения к матери или

материнскому символу» [Винникотт, 2000, с. 257]. Таким образом, индивид, по мнению Винникотта, в состоянии выносить одиночество во внешней реальности в том случае, если не находится в одиночестве в своей внутренней реальности, как это точно выражено в английской поговорке: I am alone but I am not lonely (Я один, но я не одинок). Сам Винникотт считал способность индивида к одиночеству одним из важнейших признаков зрелости его эмоционального развития.

Природа агрессии

Винникотт уделял большое внимание природе агрессии и ее роли в развитии индивидуума. Он полагал, что первоначальная единая «жизненная энергия» расщепляется на ранних стадиях развития на агрессивный и эротический компоненты. Предшественником агрессии он считал двигательную активность ребенка, а основной агрессии – мощное первичное внутреннее стремление к самореализации, в ходе которой сопротивление со стороны внешнего мира позволяет ребенку определить свои границы. Однако в случае чрезмерного противодействия объекта возникает угроза вторжения, и жизненная энергия ребенка расходуется на противодействие этой угрозе. Подобное понимание агрессии и ее значимости в жизни ребенка привело Винникотта к окончательному расхождению с взглядами М. Кляйн на природу агрессии. Он считал «ошибочным применение термина “инстинкт к смерти”, а использование Кляйн слова ненависть – чрезмерным и вводящим в заблуждение упрощением» [Филлипс, 2009, с. 104]. Для Винникотта ранняя агрессия не связана с разрушением, являясь частью естественных инстинктивных потребностей ребенка. Так как агрессивные импульсы переживаются ребенком до наступления этапа озабоченности, Винникотт определяет агрессию как «намерение без озабоченности». Данную первую стадию развития до достижения интеграции он называет стадией безразличия, связанной с первичным психическим творчеством.

Антисоциальная тенденция

В антисоциальном поведении ребенка Винникотт выделял два основных направления – воровство и деструктивность, которые, по его мнению, представляют собой тенденцию к самолечению. Он считал антисоциальную тенденцию реакцией на депривацию, а не ее результатом. Он полагал, что утрата прежнего позитивного опыта при наличии более зрелого Я приводит к развитию антисоциальной тенденции, а не психического заболевания. Данные взгляды Винникотта удивительно совпадают с описанием Ш. Ференци криминальности в отличие от психической болезни (шизофрении). В «Клиническом дневнике» Ференци писал о том, что на шизофреников повлияла травма в столь раннем возрасте, когда психическая оснастка ребенка крайне скудна. В то же самое время, «если травма сталкивается с более развитым Я, тогда следуют реакции ярости и неповиновения; криминальность» [Ференци, 2020, с. 390]. В статье «Криминальность как знак надежды» (1973) Винникотт связывал воровство ребенка с матерью, которой не удалось помочь ему творческим образом находить объекты, знакомя его с окружающим миром. «В момент надежды ‘ребенок выходит из себя’ и крадет объект. Это является навязчивым действием, и ребенок не знает, почему он так делает... ребенок пытается обрести способность находить, а не объект сам по себе. Тем не менее, то, что делается в момент надежды, дает определенное удовлетворение» [Хан, 2002, с. 242]. Согласно Винникотту, последовательность событий такова, потому что фрустрация потребностей порождает стремление к их реализации, прежде чем происходит их осмысление.

Личность

Согласно Винникотту, младенцу свойственно первичное отсутствие целостного Я. В ходе последующего развития ребенок выстраивает субъективные образы двух матерей: 'матери-объекта влечения', помогающей ребенку обнаружить свои инстинктивные желания, и 'матери-среды' – настроенной на удовлетворение элементарных потребностей своего ребенка. Впоследствии при нормальном развитии происходит интеграция двух этих образов матери в ее единый целостный образ. Только после этой интеграции у ребенка появляется «Я». По мнению английского исследователя, «личность состоит из трех частей: истинного “Я”, когда “Я” и “не-Я” четко установлены при условии частичной интеграции агрессивного и эротического компонентов; “Я”, которое легко можно соблазнить в эротическом отношении, что приведет к потере чувства реальности; “Я”, которое полностью и безжалостно отдано во власть агрессии» [Филлипс, 2009, с. 111]. В конце жизни (1970) Винникотт дал свое определение личности как целостной Самости: «Для меня Самость (не то же самое, что “Я”) – это личность, которая является собой и только собой, которая обретает некую базовую целостность в процессе созревания... Самость в норме пребывает в теле» [Немировский, 2010, с. 52].

Развитие

Движущими силами развития английский исследователь считал эволюционные потребности ребенка, включающие в себя поиск контакта, поддержку, отзеркаливание, удовлетворение потребности в идеализации и поиск самоутверждения, тогда как инстинктивные потребности были для него вторичными. В основе развития, по Винникотту, лежит формирование «психосоматического единства». «Тело и психика, – полагал он, – должны прийти к соглашению друг с другом, и этот поиск согласия, общего языка и есть процесс развития» [Филлипс, 2009, с. 80]. Составной частью развития личности ребенка он считал агрессивное неповиновение и признание такого его поведения окружением. Вначале ребенок, по Винникотту, создает мир в своей фантазии (субъективный объект), а затем разрушает свои прежние иллюзии и строит новые. Поэтому задача принятия реальности никогда не может быть им полностью завершена. Для творческого восприятия внешнего мира мать должна отзеркаливать ребенку увиденное им. «Перцепция, которая не дает развиваться апперцепции, является ранней формой подчинения. Не в состоянии получить “зеркало”, чтобы его заметили и одобрили, ребенок, меняясь местами с матерью, вынужден видеть только то, что чувствует мать» [там же, с. 127]. В процессе перехода от восприятия матери как субъективного объекта ('матери-объекта влечения' и 'матери-среды') к матери, воспринимаемой объективно, темп, согласно Винникотту, задает ребенок, а не мать. Если же этот темп искусственно форсируется, то это приводит к подчинению ребенка и к образованию у него ложного Я.

Коммуникация

Винникотт различал три типа коммуникации: вечно безмолвную, абсолютно личную коммуникацию, связанную с бытием как таковым; явленную коммуникацию, связанную с вербальным общением; и промежуточную форму коммуникации, незаметно переходящую из игры в культурный опыт. Он полагал, что ядро личности неприкосновенно и абсолютно изолированно, не коммуницируя с миром «не-Я», тогда как защита личности от травматического опыта состоит в дальнейшем сокрытии

тайного ядра личности. В статье 1941 г. «О влиянии и подверженности влиянию» Винникотт писал: «Хотя здоровые люди общаются и получают от этого удовольствие, справедливо также и то, что каждый человек одинок, никогда не вовлекается полностью в коммуникацию, всегда остается непознанным и на самом деле обнаруженным» [Филлипс, 2009, с. 147]. Постулируя абсолютную изоляцию в ядре Я, он полагал, что личность должна оставаться обособленной, но не изолированной от окружающего мира, возвращаясь к общению с другими людьми по мере возникновения у нее такой потребности. Английский исследователь считал, что в неврозах повседневной жизни наличествует некоторый активный отказ от общения вследствие того, «что коммуникация так легко становится частью ложных или связанных с подчинением объектных отношений. Безмолвная или тайная коммуникация с субъективными объектами, несущими чувство реальности, должна периодически брать верх, чтобы восстановить баланс» [там же, с. 146].

Игра

Винникотт придавал особую значимость игре, как в развитии ребенка, так и в психоаналитической терапии. «Психотерапия, – писал он, – работает на стыке двух областей игры – пациента и психотерапевта. Терапевт, не способный играть, не годен для этой работы» [Винникотт, 2002, с. 100]. Он полагал, что способность ребенка к игре связана с включением в его личность интересующих его вещей через получение удовольствия. Английский исследователь писал об универсальности игры, а также о том, что игра облегчает взросление и вовлекает в групповые взаимоотношения. Определению сути игрового поведения он посвятил свою последнюю книгу «Игра и реальность» (1971). В ней Винникотт приводит ряд положений, характеризующих настрой ребенка на игру:

«1. Чтобы понять идею игры, полезно задуматься об увлеченности, которая свойственна игре маленьких детей. Важно состояние, близкое к уходу в себя.

2. Это игровое пространство не относится к внутренней, психической реальности. Оно вне индивида, но также и не является внешним миром.

3. В этом игровом пространстве ребенок собирает объекты или явления из внешнего мира, чтобы применить их в обращении с элементами, извлеченными из своего внутреннего мира. Ребенок извлекает некий набор воображаемых возможностей, и это не галлюцинация; он живет с этими мечтами, окружая их некоторыми элементами внешнего мира.

.....

5. Развитие идет непосредственно от феномена перехода к игре, затем в совместной игре и далее к переживаниям, связанным с культурой.

.....

9. Игра, по сути, приносит удовлетворение... Но если тревожность достигает нестерпимо высокого уровня, происходит разрушение игры» [там же, с. 105–106].

Культурный опыт

Винникотт признавал громадную значимость культурного опыта и считал, что он является прямым продолжением опыта игры. Первым использованием ребенком символа (т.е. первым объектом «не-Я») и первым опытом игры английский исследователь считал создаваемый ребенком переходный объект. Он полагал, что к двум другим исследуемым в психоаналитической теории областям: внутренней психической реальности индивида и реальному миру и живущим в нем людям, следует

добавить третью область, содержащую культурный опыт. Ценность игры и культурного опыта, – согласно Винникотту, – состоит в том, что они не зависят от наследственных факторов, заполняют пространство и время, связывая между собой прошлое, настоящее и будущее. Он полагал, что невозможно говорить о человеке, не имея в виду всю сумму его культурного опыта. В конце своей жизни Винникотт пришел к мысли о том, что культура помогает человеку реализовать свои возможности и содействует расширению человеческого опыта.

Психическое здоровье

Если З. Фрейд связывал психическое здоровье со способностью человека любить и работать, а М. Кляйн – с интеграцией внутренних объектов, работой горя, репарацией ущерба и способностью испытывать благодарность, то Винникотт считал здоровым индивида, способного брать на себя ответственность за совершаемые действия, а также ощущать себя целостным и активным. Данные взгляды английского исследователя во многом коррелируют с понятием Самости у французского философа Поля Рикёра, который под «Самостью» человека понимал его открытую изменениям и самоизменениям идентичность, которую человек строит сам, благодаря верности делу, или тем или иным нормам, идеалам, моделям, связанную с обязательствами перед людьми и перед самим собой. Он также писал о том, что «Самость полностью исчезает лишь тогда, когда персонаж уклоняется от всякой проблематики этической идентичности в смысле считать себя ответственным за свои действия» [Вдовина, 2009, с. 134].

Согласно Винникотту, для психического здоровья также характерно ощущение своей живости, уверенность в собственной реальности, а также переживание длительности своего существования. Значимость термина «переживание» ранее подчеркивал немецкий философ В. Дильтей, для которого фундаментальное значение имело отношение переживания, выражения и понимания.

Теоретические разработки Винникотта

Будучи практикующим врачом, Винникотт вводил понятия, исходя из собственной клинической практики, такие как: понятие переходного объекта, истинной и ложной Самости, использования объекта, креативности, и др. Он предложил много новых метапсихологических концепций: первичной материнской озабоченности, трех типов объектов (субъективного, переходного и объективного), экзистенциальной непрерывности, целесообразных провалов аналитика, трех пространств (внутреннего, переходного и внешнего), концепции здоровья, и др. По мнению аргентинского психоаналитика К. Немировского: «Сейчас мы бы отнесли Винникотта к герменевтикам по тому признаку, как он воспринимал объект, погруженный в отношения. Это похоже на то, как Гадамер и Рикер считали, что посредством интерпретации происходит соглашение (одного человека с другим) в отношении понимания того, что же происходило с одним из этих двух людей в какой-то исторический момент» [Немировский, 2010, с. 63-64].

Говоря о вкладе Винникотта в развитие психоанализа, следует отметить, что ряд его клинических комментариев оказался крайне полезным для понимания факторов раннего развития. Его идеи были особенно благосклонно приняты американскими психоаналитиками. Акцентирование английским исследователем взаимодействия матери и младенца способствовало прояснению функций аналитика в аналитической ситуации.

В то же самое время, следует обратить внимание на ряд недостатков, присущих его теоретизированию. Так, в своих теоретических разработках он никогда не учитывал проблему половых различий. В его теории детского развития Винникотт полностью игнорирует влияние отца и других родственников на развитие ребенка, описывая лишь взаимоотношения ребенка с матерью. Ведущий финский психоаналитик В. Тэхкэ также подвергает критике высказанные в статье Винникотта «Ненависть в контрпереносе» (1949) мысли о том, что в определенных случаях полезно раскрывать испытываемую по отношению к некоторым антисоциальным и психотическим пациентам «оправданную» и «объективную» ненависть со стороны аналитика. По мнению В. Тэхкэ, «если аналитик отыгрывает собственную контрагрессию, которая специфически информативна относительно нехватки структуры у пациента, он не только поступает несправедливо, наказывая пациента за его патологию, но и рискует повторить первоначальные инфантильные травмы пациента в текущих отношениях, а также дает им возможность стать ятрогенными» [Тэхкэ, 2012, с. 358].

Список литературы

- Вдовина, 2009 – *Вдовина И.С.* Феноменология во Франции. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Винникотт, 2002 – *Винникотт Д.* Игра и реальность. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2002. 288 с.
- Винникотт, 2000 – *Винникотт Д.В.* Способность к одиночеству / Пер. с англ. Е.А. Смирновой, Е.В. Смирнова; под ред. А. Россохина // Антология современного психоанализа. М.: Ин-т психологии РАН, 2000. С. 254–260.
- Килборн, 2021 – *Килборн Б.* Неправильное понимание трагического: зависть, стыд и страдание / Пер. с англ. В.В. Старовойтова; под ред. В.В. Старовойтова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2021. 336 с.
- Лифинцева, 1999 – *Лифинцева Т.П.* Философия диалога Мартина Бубера. М.: ИФ РАН, 1999. 133 с.
- Немировский, 2010 – *Немировский К.* Винникотт и Кохут. Новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии. М.: Когито-Центр, 2010. 217 с.
- Тэхкэ, 2012 – *Тэхкэ В.* Психика и ее лечение: Психоаналитический подход / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. 464 с.
- Ференци, 2020 – *Ференци Ш.* Клинический дневник / Пер. с англ. В.В. Старовойтова; под ред. В.В. Старовойтова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2020. 416 с.
- Филлипс, 2009 – *Филлипс А.* Винникотт // Д.В. Винникотт и аналитическая психология / Под ред. Л. Хегая. М.: Добросвет; КДУ, 2009. С. 11–149.
- Хан, 2002 – *Хан М.* Творчество Д.В. Винникотта / Пер. с нем. и науч. ред. А.М. Боковинова // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 3. М.: Cogito-MGM, 2002. С. 224–258.
- Хорни, 1997 – *Хорни К.* Наши внутренние конфликты / Пер. с англ. В.В. Старовойтова; науч. ред. А.М. Боковинова // *Хорни К.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Смысл, 1997. С. 6–234.
- Winnicott, 1974 – *Winnicott D.W.* Fear of breakdown // *The International Review of Psycho-analysis*. 1974. 1. P. 103–107.

Psychoanalytical Theory of Child Development by D. Winnicott

Vladimir V. Starovoitov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: starovoitov51@mail.ru

The article deals with the psychodynamic theory of the development of the individual in his personal relationships created by the English psychoanalyst and psychiatrist D. Winnicott. Winnicott created a special model of the intersubjective approach in clinical psychoanalysis. According

to this approach, the studied subject, considered in the context of its culture, is largely determined by the past history of its development. Winnicott believed that a third area, the cultural experience of mankind, should be added to the other two areas explored in psychoanalytic theory: the inner psychic reality of the individual and the real world and the people living in it. His studies of childhood, in which he studied the relationship of the infant with the mother, the phenomenon of the transitional object, the role and influence of play in therapeutic work, etc., are particularly well known. According to the author of the article, Winnicott's study of the earliest experiences of the infant, due to the primary connection "mother-baby", gave rise to the ideas that have become key to understanding these deepest levels of mental life.

Keywords: Donald Winnicott, playing, good enough mother, holding, true self, false self, transitional object, transitional phenomenon

References

- Ferenczi S. *Klinicheskij dnevnik* [Clinical Diary], trans. by V.V. Starovojtov, ed. by V.V. Starovojtov. Moscow: Kanon+ Publ.; ROOI "Reabilitacija" Publ., 2020. 416 p. (In Russian)
- Han M. Tvorcestvo D.W. Winnicotta [Works of D.W. Winnicott], trans. by A.M. Bokovikov, *Enciklopedija glubinoj psikhologii*, t. 3 [Tiefenpsychologie, Bd. 3], ed. by A.M. Bokovikov. Moscow: Cogito-MGM Publ., 2002, pp. 224–258. (In Russian)
- Horney K. Nashi vnutrennie konflikty [Our Inner Conflicts], trans. by V.V. Starovojtov, ed. by A.M. Bokovikov, in: Horney K. *Sobranie sochinenii v 3 t.*, t. 3 [Horney K. Collected Works, vol. 3]. Moscow: Smysl Publ., 1997, pp. 6–234. (In Russian)
- Kilborne B. *Nepravil'noe ponimanie tragicheskogo: zavist', styd i stradanie* [Tragic Incomprehension – Envy, Shame and Trauma], trans. by V.V. Starovojtov, ed. by V.V. Starovojtov. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitacija", 2021. 336 p. (In Russian)
- Lifintseva T.P. *Filosofija dialoga Martina Bubera*. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 1999. 133 p. (In Russian)
- Nemirovskij K. *Vinnikott i Kohut. Novye perspektivy v psichoanalize* [Winnicott and Kohut New Perspectives in Psychoanalysis]. Moscow: Kogito-Centre Publ., 2010. 217 p. (In Russian)
- Phillips A. Winnicott, in *D.W. Winnicott i analiticheskaja psikhologija* [D.W. Winnicott and Analytic Psychology], ed. by L. Hegaj. Moscow: Dobrosvet Publ.; KDU Publ., 2009, pp. 11–149. (In Russian)
- Tähkä V. *Psikhika i ee lechenie: Psichoanaliticheskij podkhod* [Mind and its Treatment: A Psychoanalytic Approach], trans. by V.V. Starovojtov. Moscow: Kanon+ Publ.; ROOI "Reabilitacija" Publ., 2012. 464 p. (In Russian)
- Vdovina I.S. *Fenomenologija vo Francii* [Phenomenology in France]. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitacija" Publ., 2009. 400 p. (In Russian)
- Winnicott D.W. Fear of Breakdown, *The International Review of Psycho-analysis*, 1974, 1, pp. 103–107.
- Winnicott D.W. *Igra i real'nost'* [Playing and Reality]. Moscow: Institut obshhegumanitarnyh issledovanij Publ., 2002. 288 p. (In Russian)
- Winnicott D.W. Sposobnost' k odinochestvu [The Capacity to be Alone], trans. by E.A. Smirnova, E.V. Smirnov, in *Antologija sovremennogo psichoanaliza*, ed. by A. Rossokhin. Moscow: RAS Institute of Psychology Publ., 2000, pp. 254–260. (In Russian)